

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Мужчины без женщин

МОСКВА

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

ONNA NO INAI OTOKOTACHI by Haruki Murakami.
© Harukimurakami Archival Labyrinth. All rights reserved.
Originally published by Bungeishunju Ltd., Tokyo.

Koi Suru Zamuza ("Samsa in Love") by Haruki Murakami.

Copyright © Harukimurakami Archival Labyrinth. 2013. Originally published in Japan in 2013 in the anthology, KOI SHIKUTE: Ten Selected Love Stories, by Chuokoron-Shinsha, Inc., Tokyo.

Перевод с японского *Андрея Замилова*

Мураками, Харуки.

М91 Мужчины без женщин / Харуки Мураками ; [перевод с японского А. Замилова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-246101-9

Харуки Мураками — японский писатель, ставший классиком при жизни. Мировую известность ему принесли романы «Норвежский лес», «Охота на овец» и «Кафка на пляже». Мураками большой ценитель творчества Франца Кафки. Не случайно один из его последних сборников начинается с рассказа «Влюбленный Замза». Это произведение стало отправной точкой для создания книги «Мужчины без женщин».

Главные герои Мураками — мужчины, которых по самым разным обстоятельствам покинули женщины. Кого-то из них разлучила измена возлюбленной, кого-то — смерть, кто-то остался один волею случая, а для кого-то это осознанный выбор.

«Стать мужчинами без женщин очень просто. Достаточно крепко любить женщину, чтобы потом она куда-то исчезла. В большинстве случаев их выкрадывают коварные матросы. Они заговаривают девчонкам зубы и быстро увозят их в Марсель или на Берег Слоновой Кости. И мы ничего не можем с этим поделать. А может, они обрывают свои жизни и без связи с матросами. С этим тоже поделать мы ничего не можем. Не только мы — даже матросы».

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Замилов А., перевод на русский язык,
2026

© Издание на русском языке, оформление,
«Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-246101-9

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЗАМЗА

Проснувшись, он обнаружил, что прямо в постели превратился в Грегора Замзу.

Лежа навзничь, он всматривался в потолок. К сумраку в комнате глаза привыкли не сразу. Самый обычный потолок — такой может быть где угодно. Некогда белый или же бледно-кремовый, он покрылся многолетним слоем пыли или грязи и теперь напоминал цвет скисшего молока. Никакого декора и своеобразия. Он ничего не отстаивал и не пытался что-либо донести. Добротнo выполнял свою структурную роль, да и только.

В одной из стен (по левую руку от Замзы) было высокое окно. Штору, определенно висевшую там прежде, сняли и прямо к оконной раме приколотили толстые доски — одну над другой. Между ними — намеренно или нет — оставили узкие щели, сквозь которые в комнату просачивались лучи утреннего солнца, отбрасывая на пол ослепляющие параллельные линии. Зачем было нужно забивать окно, Замза не знал. Чтобы никто не проник снаружи? Или не мог (возможно, он сам) выбраться изнутри? Или же приближается смерч или буря?

По-прежнему лежа на спине, он, слегка вращая шеей и глазами, осмотрелся.

Помимо его кровати, в комнате не было ничего: ни комода, ни стола, ни стула. Стены голые — без картин, настенных часов и зеркал. Никакого освещения. Он не заметил ни ковра, ни ковровой дорожки. Только зиял голый пол. На стенах — старые выцветшие обои с мелким узором, разобрать который при тусклом свете, а может, и при ярком тоже, было почти невозможно.

Напротив окна, в стене справа от себя, Замза увидел дверь с латунной ручкой, местами изрядно потертой. Комната, как могло показаться, прежде была обычной спальней, однако теперь ничто не напоминало о бывших жильцах. Только его кровать оставалась посреди комнаты. Но и та без белья: без одеяла, подушки и простыни. Лишь потрепанный голый матрас.

Замза понятия не имел, где он и как быть дальше? С трудом мог осознать, что он — человек по имени Грегор Замза. Откуда это ему известно? Быть может, кто-то украдкой шепнул ему на ухо, пока он спал?

— Твое имя — Грегор Замза.

Тогда кем он был, прежде чем стать Грегором Замзой? И чем?

Но стоило ему задуматься об этом, как сознание притупилось, и где-то в глубине головы возникло нечто вроде мрачного столба из гнуса, который становился толще и плотнее и с тихим гулом направлялся к мягкой оболочке мозга. Так что Замза бросил

эту затею. Глубокие мысли оказались в его нынешнем состоянии непосильным бременем.

Как бы то ни было, ему нужно освоить навыки движения. Не век же валяться в постели, бесцельно пялясь в потолок. Так он чересчур беззащитен. Вдруг он таким как есть столкнется с врагом, скажем, на него нападут свирепые птицы, — выжить шансов не будет. Для начала он пошевелил пальцами — десятью длинными пальцами, по пять на каждой руке. Оказалось, управлять суставами — дело не из простых. К тому же все тело точно онемело (как если бы его погрузили в плотную вязкую жидкость), и заставить конечности двигаться толком не удавалось.

Тем не менее он закрыл глаза, сосредоточился и после ряда неудачных попыток научился свободно шевелить пальцами рук. Пусть медленно, но Замза разобрался, как правильно управлять многочисленными суставами. Стоило зашевелить пальцами, как постепенно ослабло и отступило онемение. Но словно на смену ему — как после отлива оголяются мрачные зловещие скалы — проявилась острая боль.

Замза не сразу понял, что это — чувство голода. Непреодолимое чувство голода, которое он ни разу не испытывал прежде или, по крайней мере, не помнил об этом. Будто за всю неделю ни крошки во рту. Словно в теле образовалась вакуумная полость. Поскрипывали кости, сжались мышцы, то там, то тут сводило судорогой внутренние органы.

Не в силах вынести голод, Замза уперся локтями в матрас и мало-помалу приподнялся. Несколько раз

ужасающе хрустнул позвоночник. Как долго Замза пролежал на этой кровати? Самые разные части тела громко выражали протест, не желая вставать и вообще менять позу. И все же, преодолевая боль и собравшись с силами, он смог подняться и сесть на кровати.

Замза окинул взглядом нагое тело, ощупал его невидимые части и невольно подумал: какое же оно неуклюжее. Притом совсем беззащитное. Из-под гладкой белой кожи (волос — «три пера в два ряда») бледными извилинами проступают хрупкие вены, живот ничем не защищен, гениталии невероятно странной формы, худые руки и ноги (причем всего по две), тонкая ломкая шея, изрядно искаженная голова с копной жестких спутанных волос на макушке и торчащими словно ракушки ушами. Замза невольно подумал: «Неужели это я? И как теперь выживать в этом мире внутри легкоуязвимого тела (без защитного панциря и оружия для нападения)? Почему я не стал рыбой? Или подсолнухом? В рыбе или подсолнухе хотя бы есть смысл, причем его куда больше, чем в человеке Грегоре Замзе».

И все же он, собравшись с духом, опустил ноги на голый пол, который оказался холоднее, чем полагал Замза, — у него невольно перехватило дыхание. Затем, после череды неудачных попыток и болезненных столкновений, ему удалось встать на ноги. Сжав рукой дужку кровати, Замза сохранял равновесие. Но долго стоять неподвижно ему не позволила странная тяжесть в голове. Замза с трудом удерживал голову прямо. Под мышками стало мокро, от крайнего на-

пряжения сжались гениталии. Чтобы снять скованность в теле, Замза несколько раз глубоко вдохнул.

Поскольку его тело привыкло и Замза стоял на полу, далее предстояло научиться ходить. Вот только ходьба на двух ногах была для него сродни пытке, и каждый шаг вызывал жгучую боль. С какой стороны ни посмотри, движение вперед попеременно то правой, то левой ногой было само по себе нелепо и попирало законы природы, а пол казался так далеко, что Замза боязливо съежился. Не сразу он понял связь между движением бедер и коленных суставов. При каждом шаге вперед у него тряслись колени от боязни упасть, и он был вынужден держаться руками за стену.

Но, право, не оставаться же ему в этой комнате навечно?! Если не найти где-то полноценную еду и не поест, острый голод рано или поздно подточит и уничтожит его тело.

Цепляясь за стену, он ковылял к двери. Ковылял долго. Он не понимал ни единиц времени, ни как его измерять. Но так или иначе долго — подсказывало живое ощущение нарастающей боли. При всем том, пока он ковылял, усваивал, как управлять суставами и мышцами. Двигался он все еще медленно, неуклюже, с опорой, но для человека с физическими ограничениями вполне сносно.

Сжав дверную ручку, он дернул ее на себя — дверь не поддалась. Надавил — тоже тщетно. Тогда он повернул ручку вправо и потянул. Дверь с легким скрипом приоткрылась. Комната была не заперта.

Замза слегка выглянул наружу через щель в двери. В коридоре — ни души. Вокруг тишина, как на дне глубокого моря. Замза выставил в коридор левую ногу и, держась рукой за дверной косяк, высунулся наполовину, затем подтянул правую. И, крепко прижимая руки к стене, медленно ступал босиком по коридору.

В коридор выходило четыре двери, в том числе из его комнаты. Это были похожие двери цвета темного дерева. Замзу разбирало любопытство: что там внутри? есть кто-нибудь? Возможно, это хоть как-то прояснит непостижимую ситуацию, в которой он оказался. Найдется нечто вроде логической подсказки. Однако он бесшумно прошел мимо этих дверей. Прежде чем утолить любопытство, важнее утолить голод. Как можно скорее наполнить чем-то существенным жуткие пустоты, что скрывались внутри его тела.

Но вот куда податься, чтобы заполучить что-то существенное, Замза пока не знал.

«Иди туда, где пахнет едой», — сказал он себе, приюхиваясь к запаху горячей пищи. Частички этого запаха, бесшумно наполняя пространство, одержимо впивались в слизистую оболочку носа. На это тут же откликнулся мозг, а от яркого предвкушения и страстной жажды моментально скрутило желудок, словно под пыткой опытного инквизитора. Рот переполнился слюной.

Вот только чтобы добраться до источника запаха, предстояло спуститься по лестнице. Замзе было

трудно двигаться даже по ровному полу. Преодолеть семнадцать крутых ступенек — сродни кошмару. Опираясь на перила обеими руками, Замза начал спуск. Каждая ступенька давила на его тонкие лодыжки, Замза едва удерживал баланс и несколько раз чуть было не скатился кубарем вниз. Кости и мышцы стонали от любого неловкого движения.

Мысли Замзы, пока он спускался по лестнице, витали вокруг рыб и подсолнухов. Будь он кем-то из них, не пришлось бы ходить по ступенькам, наверняка он смог бы прожить свою жизнь в мире и покое. Зачем ему такое предельно опасное занятие, к тому же в таком неестественном виде. Бессмыслица, да и только.

Когда Замза наконец справился с последней ступенькой, то распрямился и, собравшись с силами, двинулся в сторону, откуда доносился запах еды. Миновав прихожую с высоким потолком, он вошел в столовую. Там на большом овальном столе были расставлены кушанья. Стол окружали пять стульев. И ни души. От тарелок все еще поднимался еле заметный пар. В центре стола возвышалась ваза с букетом из дюжины белых лилий. Стол был сервирован на четверых, но к белым салфеткам и столовым приборам никто не притронулся. Выглядело так, будто люди приготовились позавтракать, сели за стол, но вдруг случилось непредвиденное, все встали и куда-то подевались. И произошло это совсем недавно.

Что случилось, куда все ушли? Или их увели? Вернутся ли, чтобы продолжить завтрак?

Вот только Замзе было не до того. Он плюхнулся на ближайший стул с подлокотниками и принялся хватать еду прямо руками, так что ни вилка с ножом, ни ложка, ни салфетка ему не понадобились. Отламывая куски хлеба, закидывал их в рот без масла и конфитюра, отваренные сардельки заглатывал целиком, грыз вареные яйца, чуть ли не забывая чистить скорлупу, пальцами подцеплял маринады, зачерпывал пятерней картофельное пюре. Жевал всю эту кашу, а остатки прогонял в горло водой из графина. Ему был не важен вкус еды, и он не различал, вкусно или нет, горько или кисло. Перво-наперво он хотел наполнить свою внутреннюю полость. Ел он самозабвенно, будто наперегонки со временем, и когда облизывал пальцы, чуть было в спешке не откусил один из них. По столу были разбросаны остатки пищи, упало на пол и разбилось вдребезги большое блюдо, но Замза этого даже не заметил.

Обеденный стол представлял собой жалкое зрелище. Будто сквозь открытое окно ворвалась стая ворон, раскрошила в склоке все, что там было, и улетела прочь. Когда Замза наелся до отвала и наконец-то сделал передышку, еды на столе почти не осталось. Нетронутыми были разве что лилии в вазе. Не окажется наготовлено так много, глядишь, Замза принялся бы за цветы — вот насколько он был голоден.

Еще долго Замза сидел в оцепенении. Он сложил руки на стол и, тяжело дыша, сквозь ресницы разглядывал лилии. Медленно, словно приливная вол-

на, подступила сладостная нега. Замза ощущал, как внутренняя полость сужала зону пустоты.

Затем налил из железного кофейника в белую керамическую чашку кофе, бодрящий аромат которого что-то ему напомнил, но не сразу, а постепенно. Время как бы разделилось надвое, и за своими нынешними испытаниями Замза наблюдал словно из будущего. Как если бы память и опыт вращались в замкнутом круге, попеременно сменяя друг друга. Замза сдобрил кофе сливками, размешал пальцем и выпил. Кофе заметно остыл, но еще сохранял слабое тепло. Замза сделал глоток, повременил и осторожно, по чуть-чуть пропустил жидкость в горло. Кофе отчасти его успокоил.

Вдруг Замзе стало холодно — прошиб озноб. Пока Замзу одолевал сильный голод, ему не было дела до других ощущений. Теперь, когда он насытился, вдруг почувствовал утреннюю прохладу. Огонь в камине погас, комната остыла. Вдобавок Замза был наг и бос.

До Замзы дошло, что ему нужно во что-то одеться. Оставаться голышом — зябко. И вряд ли уместно появиться перед людьми в таком виде. Рано или поздно позвонят в дверь. Люди, что находились здесь накануне, как раз те, кто собрался позавтракать, вскоре могут вернуться. Застанут его неодетым, того и гляди выйдет конфуз.

Почему-то он это знал. Причем это не предположение и не эрудиция, а чистое понимание. Откуда и какими путями оно пришло, Замзе было невдомек. Возможно, оно тоже — часть циркулирующей памяти.